

На следующее утро Чжан Бэйтин вышел за продуктами и ещё издали заметил, как впереди мелькнула фигура Чжан Пина.

После этого куда бы они с Сун Яньцином ни шли, позади на некотором расстоянии неизменно тащился человек, старательно делавший вид, будто просто оказался рядом.

Когда наконец пришло время покупать ингредиенты для бинфэня, обрадовался не только Чжан Пин, уверенный, что вот-вот узнает его секрет. Чжан Бэйтин тоже с огромным облегчением выдохнул.

Выходить из дома, зная, что за тобой следят, и при этом притворяться, будто ничего не замечаешь, оказалось ужасно утомительно.

Они с Сун Яньцином взяли все деньги, заработанные за последние дни на бинфэне, и каждый прихватил по большому заплочному коробу.

Выйдя из переулка, они даже специально остановились у овощной лавки семьи Хэ и немного поболтали с Хэ Хаем.

Увидев, что Чжан Бэйтин и Сун Яньцин застряли у прилавка, Чжан Пин занервничал так, что ладони вспотели.

Ещё со вчерашнего утра он ничем другим не занимался: с рассвета до темноты караулил неподалёку от дома Чжан Бэйтина, опасаясь, что стоит отвлечься — и тот уже успеет купить всё необходимое для бинфэня.

За эти два дня Чжан Бэйтин и Сун Яньцин выходили только за овощами да на торговлю.

И вот наконец-то он дождался — а эти двое встали болтать и никуда не идут!

Чжан Пин просидел под большим деревом вдалеке так долго, что ноги затекли. Лишь тогда Чжан Бэйтин закончил разговор с Хэ Хаем и направился к главной улице.

Постучав по онемевшим ногам, Чжан Пин заковылял следом, изображая праздного прохожего.

Когда супруги вошли в бакалейную лавку, он уселся под ивой у реки, в людном месте через пол-улицы от входа, и не сводил глаз с лавки.

Вскоре Чжан Бэйтин и Сун Яньцин вышли. Пустые прежде короба теперь были набиты доверху.

Чжан Пин остался сидеть под ивой. Он караулил их уже два дня — несколько лишних минут ничего не решали.

Но вопреки его ожиданиям супруги не пошли домой. Вместо этого они повернули к аптекарской лавке неподалёку, а перед входом ещё и осторожно огляделись по сторонам.

Сердце Чжан Пина тут же забилося как барабан.

Он не отрывал глаз от дверей аптеки ни на мгновение.

На этот раз они задержались внутри дольше. Выйдя, заметно ускорили шаг и вместо людной улицы пошли вдоль речной насыпи.

А Чжан Пин как раз прятался под одной из ив у насыпи. Если бы он остался на месте, то очень скоро столкнулся бы с ними лицом к лицу.

Рядом стояла крытая лодка с чёрным навесом. Он пригнулся и юркнул внутрь.

Ему невероятно повезло: хозяина лодки поблизости не оказалось.

Через щель в занавеске Чжан Пин увидел, как Чжан Бэйтин и Сун Яньцин, о чём-то разговаривая, подходят всё ближе.

Боясь выдать себя, он даже дышать старался тише.

Вскоре супруги прошли мимо лодки, и каждое их слово отчётливо долетело до его ушей.

— Давай быстрее домой, — сказал Чжан Бэйтин. — Нужно сразу всё перемолоть. Завтра это понадобится для бинфэня.

Сун Яньцин ответил:

— Завтра муки положим поменьше. Сегодня после варки получилось жестковато.

Сердце Чжан Пина заколотилось так, будто собиралось выскочить из груди. Он обеими руками зажал рот, чтобы не издать ни звука, а когда шаги супругов наконец стихли вдали, ноги под ним подкосились, и он прямо там осел на дно лодки. Вся спина была мокрой от пота.

Немного успокоившись, он тут же вылез наружу и помчался в аптеку.

— Хозяин, молодые супруги, которые только что вышли... что они у вас купили? — нетерпеливо спросил Чжан Пин.

Седовласый аптекарь перестал растирать лекарство и с невозмутимым видом ответил:

— У нашей лавки есть правило: мы не разглашаем посторонним, что покупают посетители.

— Я... я заплачу! — Чжан Пин высыпал из кошелька горсть медяков. — Куплю у вас эту информацию.

Аптекарь покачал головой.

— Мало? — Чжан Пин потянулся за новой горстью. Он уже подслушал половину рецепта бинфэня и не мог споткнуться на последнем шаге.

— Рассказывать, что именно покупал человек, мы, конечно, не имеем права, — медленно произнёс аптекарь. — Но если вы хотите приобрести точно такой же набор... я ведь торговец, не могу же я отказать покупателю...

Он не успел договорить, как Чжан Пин выпалил:

— Покупаю! Дайте мне то же самое, скорее!

— Хорошо. Всего триста двадцать вэней. Сначала деньги — потом соберу вам всё необходимое.

— Так дорого?! — невольно воскликнул Чжан Пин.

Триста двадцать вэней — их семье на эти деньги можно было жить больше половины месяца.

— Тогда не берите.

Аптекарь облокотился на прилавок и снова неспешно принялся растирать лекарство.

Чжан Пин стиснул зубы:

— Беру.

Всего-то триста двадцать вэней. Стоит ему научиться готовить бинфэнь — и деньги быстро вернуться.

Когда Чжан Пин вышел из аптеки с покупками, улыбка буквально распирала его лицо. Теперь у него были нужные ингредиенты, и вдобавок он знал, что бинфэнь варят из муки. Он был уверен: совсем скоро у него всё получится.

Внутри аптеки хозяин пересчитывал медяки с не меньшим удовольствием.

По правилам лавки действительно нельзя было выдавать, что купил клиент. Но тот молодой человек заранее сказал: если кто-нибудь придёт расспрашивать, ничего не рассказывать, зато можно продать любопытному точно такой же набор. И желательно побольше.

Аптекарь на пробу увеличил количество в восемь раз — и не ожидал, что преследователь даже не станет задавать вопросов.

На другом конце улицы улыбался и Чжан Бэйтин. Увидев, как Чжан Пин с довольным видом и вполголоса напевая выходит из аптеки, он отвёл взгляд.

— Пойдём домой. Приготовим холодную лапшу.

Вернувшись, они с Сун Яньцином сначала разобрали содержимое двух доверху набитых коробов.

Сегодня закупились основательно: одного риса и муки взяли по десять цзиней.

Для масла с чили Чжан Бэйтин купил ещё три цзиня рапсового масла и два цзиня соли.

Взяли понемногу кунжута, арахиса, клейкого риса и прочего, что пригодится к бинфэню.

А вместе с пряностями все эти покупки разом съели больше половины денег, накопленных за последние дни торговли.

Разложив припасы, супруги принялись за холодную лапшу.

Воду для теста ещё утром профильтровали через древесную золу. Такое щёлочное тесто выходило более упругим и особенно хорошо подходило для холодной лапши.

Сун Яньцин замешивал тесто, а Чжан Бэйтин готовил масло с чили.

Рапсовое масло, в котором обжарились лук, имбирь, чеснок, лавровый лист, бадьян, цаого и больше десятка других пряностей, раскалилось и источало густой аромат.

Чжан Бэйтин дал ему немного остыть, а затем в два приёма вылил в молотый перец чили,

смешанный с кунжутом и дроблёным арахисом.

Стоило горячему маслу коснуться перца, как воздух наполнился пряным, острым запахом: хотелось чихнуть — и одновременно вдохнуть поглубже, чтобы насладиться ароматом.

К тому времени, как масло было готово, Сун Яньцин уже опустил лапшу в кипящую воду.

Её сварили примерно до восьмидесятипроцентной готовности, вынули, перемешали с приготовленным маслом и остудили веером. Затем добавили соль, соевый соус и уксус, полили двумя ложками свежего масла с чили, посыпали зелёным луком и сверху выложили горку тонко нарезанного огурца.

Получилось идеальное блюдо для жаркого лета.

Чжан Бэйтин всё перемешал и разложил лапшу по двум мискам.

Перец, ошпаренный горячим маслом, пах невероятно насыщенно. Острота смешивалась с лёгким онемением специй и кислым ароматом уксуса, мгновенно пробуждая аппетит.

Лапша была упругой и пружинила на зубах, огурец — хрустящим и свежим. Контраст текстур затягивал так, что остановиться было трудно.

Очень скоро огромная миска лапши исчезла без остатка между ними двумя.

Чжан Бэйтин с улыбкой спросил:

— Ну как? Если сравнивать с холодной лапшой в других заведениях?

Сун Яньцин посмотрел на него. Почему-то ему казалось, что Бэйтин спрашивает нарочно — лишь потому, что несколько дней назад, услышав о планах продавать холодную лапшу, он удивился выбору блюда.

Но после короткой паузы всё же честно ответил:

— У них нет такого масла с чили. И лапша у нас вкуснее.

Он помолчал, вспомнил вкус масла и не удержался:

— Завтра попробую смешать его с рисом.

— Оно вкусное, но если есть слишком много острого, можно заработать внутренний жар, — сказал Чжан Бэйтин и, немного подумав, добавил: — Через несколько дней приготовлю тебе с этим маслом ещё кое-что вкусное.

Они доели прекрасный ужин, потом ещё долго обсуждали, какие блюда будут готовить дальше.

Так прошёл чудесный летний вечер.

А вот в доме Чжан Пина, всего через два переулка, той ночью разразился настоящий скандал.

После того как Чжан Пин отдал аптекарю триста двадцать вэней за несколько пакетиков тех самых «ингредиентов», он дождался ужина, отправил семью старшего сына спать и заперся на кухне вместе с Ли Гуйсян. Они принялись раскрывать секрет бинфэня.

Из подслушанного разговора Чжан Пин уже «знал»: бинфэнь варят из муки, а купленные в аптеке компоненты сперва нужно измельчить.

Их семья держала лавку баоцзы, так что недостатка в муке не было. Имелась и каменная мельница — растереть лекарственные травы оказалось несложно.

Опасаясь испортить слишком много продуктов, для первой попытки супруги взяли всего полмиски муки.

Но сколько бы воды и порошка они ни добавляли, после варки получалась лишь мучная каша — то жиже, то гуще.

На бинфэнь это не походило даже отдалённо.

Они даже попробовали сначала замесить тесто с лекарственным порошком, как при приготовлении баоцзы, и дать ему подняться. Стало только хуже.

Пусть на каждую попытку уходило всего по полмиски муки, попыток было слишком много.

Глядя, как одна миска белой муки за другой отправляется в мусор, Ли Гуйсян всё сильнее мучилась от жадной боли и наконец не выдержала:

— Может, ты купил не то лекарство?

— Хозяин сказал, что то самое! — Чжан Пин и сам уже начинал раздражаться.

— Ты же говорил, что сначала он отказывался тебе отвечать. Почему тогда потом согласился

продать?

— Это триста двадцать вэней, а не три и не два! — огрызнулся Чжан Пин. — Ты бы сама отказалась от такой выручки?

Ли Гуйсян застыла.

Вернувшись домой, Чжан Пин только похвастался, что купил ингредиенты для бинфэня, но не сказал, сколько они стоили.

Её осенило. Руки задрожали.

— Триста двадцать вэней... Откуда ты их взял?

— Из твоей зимней куртки.

Ли Гуйсян ткнула пальцем ему в лицо:

— Ты... ты как посмел?! Я эти деньги откладывала Чанлиню на бумагу и кисти!

— Не делай вид, будто ты не знала, зачем мне деньги, — огрызнулся Чжан Пин. — Несколько дней назад, когда вернулась от того мальчишки, сама велела мне следить за ним как следует и не упустить.

Ли Гуйсян с громким воплем разрыдалась.

— Триста двадцать вэней! Сколько же баоцзы мне теперь надо продать, чтобы их вернуть?!

Она плакала и кричала, перескакивая с одного на другое:

— Завтра у Чанлиня как раз очередной день отдыха по десятидневному учебному циклу! Где я теперь возьму деньги на бумагу и кисти?!

— И как только мне угораздило выйти за такого бесполезного мужчину!

<http://bllate.org/book/20100/1989982>